

агиографической традиции, используя сюжетную схему легенды, а подчас и ее приемы характеристики героев, эти повести представляют собой качественно новый тип повествования, разрушающий рамки традиционной «духовной повести».

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» издавалась два раза,⁹⁴ но существующие издания повести не только не дают представления о ее литературной истории, они далеко не совершенны и в передаче текста.

Так, издатели «Памятников старинной русской литературы», публикуя повесть по двум случайным спискам, указывают не все разночтения, а лишь «важнейшие», не объясняя принципа их отбора. Субъективный подход к изданию сказался и в произвольной подаче текста: предисловие к повести, которое, по мнению издателей, «как приписка не составляет существенной части рассказа»,⁹⁵ приведено в конце повести как приложение.

Более точным в передаче текста и разночтений является издание ОЛДП, где повесть издана в составе «Жития Прокопия Устюжского» («чюдо 26»). Но здесь она (как и «Житие» в целом) была издана только по двум спискам, хотя издателям были еще известны списки самого «Жития» и «Сказания о чудесах» Прокопия Устюжского.⁹⁶

В этих изданиях полностью или частично использованы лишь 4 списка повести. А рукописная традиция повести очень богата. Материалы картотеки Н. К. Никольского и просмотр только некоторых описаний указывают еще около 20 списков ее, причем многие имеют большие отличия от изданных текстов (например, список ГБЛ, Музейное собрание, № 901, лл. 1—27, середины XVIII в.⁹⁷).

Необходимость археографических поисков и текстологического изучения повести очевидна. Исследование литературной истории повести позволит решить ряд вопросов ее художественного своеобразия, уточнит ее связи с житийной литературой, ибо «Повесть о бесноватой Соломонии» находится на стыке старой литературной традиции, связывающей эту повесть с жанром «посмертных чудес»,⁹⁸ и того нового, что утверждается в повествовании XVII в. и означает по существу становление русской «бытовой» и психологической повести. Место повести в литературном процессе XVII в., ее высокие художественные достоинства и оригинальность делают вопрос о ее научном издании особенно важным и актуальным.⁹⁹

⁹⁴ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 153—161; «Житие предподобного Прокопия Устюжского». Изд. ОЛДП, СПб., 1893, стр. рѣг — рѣе об. (ПДП, СИ). Д. Ровинский издал отрывки из лубочной повести в книге «Русские народные картинки» (т. IV, стр. 537—541; т. V, стр. 208—210).

⁹⁵ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161.

⁹⁶ В предисловии к изданию (стр. I) указывалось, что не используется рукопись Е. В. Барсова (неполный список, без «26 чуда» — «Повести о Соломонии»), варианты из которой «подводить было не всегда возможно» ввиду большого различия текстов. В «Источниках русской агиографии» Н. Барсуков еще в 1882 г. сообщил о 21 списке «Жития» и о 4 списках «Сказания о чудесах» (стлб. 463—464).

⁹⁷ См.: Музейное собрание рукописей. Описание, т. I, №№ 1—3005. Под редакцией И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 112.

⁹⁸ См.: М. О. С к р и п и л ь. 1) Повесть о Соломонии. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 197—215; 2) «Повесть о Соломонии бесноватой». — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 292—294.

⁹⁹ «Повесть» привлекает внимание исследователей при постановке самых общих историко-литературных проблем: она рассматривается в ряду явлений литературы барокко на русской почве [см.: А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения). — Русская литература, 1962, № 3, стр. 25] и внимание писателей: известна литературная переделка «Повести» А. Ремизова (А. Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951, стр. 64—93).